

Лян Сычжэ нашёл лапшичный ресторан под открытым небом, сел за деревянный стол снаружи, заказал миску говяжьей лапши. Он ел не спеша, наблюдая, как медленно темнеет небо и владельцы лавочек устанавливают прилавки для торговли на ночном рынке. Голоса становились всё громче, будто огонь разгорался, и вскоре воздух наполнился весёлым шумом.

Когда лапшу принесли, Лян Сычжэ увидел, как Цао Сююань вылетел из «Лазурной вечеринки» с лицом, искажённым гневом, и сел в машину, хлопнув дверцей на всю улицу. Лян Сычжэ успел ополовинить миску, когда спустился Чжэн Инь, и внедорожник, который привёз его в Пекин две недели назад, уехал. Похоже, этот визит Цао Сююаня не имел к нему, Лян Сычжэ, никакого отношения. Он снова вернулся к мысли, время от времени посещавшей его эти две недели: почему Цао Е, сына Цао Сююаня, поселили здесь вместе с ним? Казалось, ответ очевиден: Цао Сююань хотел, чтобы Лян Сычжэ проникся духом места, и Цао Е здесь по этой же причине. Зачем ещё Цао Сююаню совать своего драгоценного сына в такую дыру, если не для подготовки к роли? Но если так... он что, будет сниматься вместе с Цао Е? Лян Сычжэ прикончил миску лапши, так и не придумав ответа.

Расплатившись, он не вернулся в «Лазурную вечеринку». Прогуливаясь по улицам, он купил в магазине две ветчинные колбаски для бродячей собаки, которую он заметил на углу, — она появлялась здесь каждый день. Собака была белой и выглядела грязной из-за пыли, покрывавшей светлую шерсть, но характер у неё был кроткий. Съев две колбаски, она опустила голову и обнюхала низ брюк Лян Сычжэ. Когда он протянул руку и погладил её по голове, собака тут же послушно легла на живот, придавив его ступни. Эти две недели Лян Сычжэ кормил её каждый день, и между ними завязалась дружба. Лян Сычжэ встал с корточек — собака последовала за ним и бежала рядом во время пробежки. Лян Сычжэ больше часа наматывал круги по задворкам, пока с него семь потов не сошло. Наконец, он вернулся обратно в «Лазурную вечеринку», чтобы принять душ.

Он думал, что Цао Е снова ушёл, но, открыв дверь, увидел, что Цао Е всё ещё в комнате. Когда Лян Сычжэ уходил, было чуть больше семи — только начинало темнеть, и свет ещё не зажигали. Сейчас было уже больше десяти вечера, но свет в комнате по-прежнему не горел. В окно просачивался неоновый свет мигающих ламп «Лазурной вечеринки», и в комнате можно было различить очертания предметов. Цао Е лежал на кровати неподвижно, Лян Сычжэ подумал, что тот спит, и не включая верхний свет, наощупь нашёл чистую одежду и отправился в душ.

На самом деле Цао Е вовсе не спал. Он так лежал с ухода Чжэн Иня, не меняя позы. Сначала он просто злился, затем гнев сменило возмущение, а затем пришёл черёд обиды. Слова Цао Сююаня: «Бесполезный Лю Адоу!» — вертелись в его голове которую сотню раз, и Цао Е невольно задался вопросом: что имел в виду Цао Сююань, сказав: «Бесполезный Лю Адоу»? Неужели Цао Сююань был горд, что сам похож на Лю Бэя [1]?! Но он отбросил эту мысль. На него накатила волна уныния. Всё правильно: в современной китайской киноиндустрии, когда речь шла о том, чтобы считаться одним из её главных столпов, Цао Сююань действительно был кем-то вроде Лю Бэя.

[1] Лю Бэй — один из наиболее могущественных полководцев эпохи Троецарствия и основатель западно-китайского царства Шу со столицей Чэнду (современная провинция Сычуань и прилегающие территории). Он считается идеальным благожелательным и гуманным правителем, заботящимся о своём народе. Отец Лю Адоу.

И это была беда. Если бы Цао Е просто не знал, насколько хорош его отец, он мог бы игнорироваться его, пропустив резкие слова мимо ушей, как не придают значения пролетевшему мимо ветерку. Но, к сожалению, он прекрасно знал о его таланте. У Цао Сююаня был ужасный характер, его нельзя было назвать достойным отцом, но никто не мог принизить его положение в китайской киноиндустрии. В киноиндустрии Цао Сююань был общепризнанным гением, его способность выбирать актёров была неоспорима и точна — и именно это заставило Цао Е серьёзно усомниться в себе. Неужели он действительно был таким, как сказал Цао Сююань — просто Лю Адоу, который ни на что не способен? Эта фраза чертовски сильно задела его самолюбие.

Цао Е боролся с этой мыслью весь вечер и всё ещё продолжал это нелёгкое дело, когда Лян Сычжэ толкнул дверь и вошёл. Цао Е стало не по себе: Лян Сычжэ наверняка видел всю эту сцену, слышал, как Цао Сююань ругал его. Кто знает, что теперь думает о нём Лян Сычжэ... Вспомнив холодное «отвали», прозвучавшее в телефонной трубке той ночью, Цао Е подумал, что, возможно, Лян Сычжэ считает, что он сам накликал на себя беду... И, в самом деле, так оно и было.

Из ванной слышалось журчание воды. Телефон Цао Е завибрировал. Вытащив его, он увидел на экране сообщение от Линь Яня: «Ты сегодня ночуешь у меня?»

Цао Е уныло набрал: «Нет» и отправил.

Через несколько секунд Линь Янь прислал ещё одно сообщение: «Маленькая красавица больше не сердится на тебя?»

«Какая маленькая красавица? Она уже совсем не маленькая, ясно?»

«Пришли фотку, я посмотрю».

У Цао Е не было настроения шутить, поэтому он проигнорировал Линь Яня, отбросил телефон и снова погрузился в уныние. Он подумал, что, раз отец его разоблачил, возможно, ему стоит остаться здесь на несколько дней. В конце концов, он и так достаточно долго жил у Линь Яня, который без конца нежничал со своим молодым человеком, и нежности то и дело превращались в страстные поцелуи. Цао Е это всё весьма утомляло, а от поцелуев просто жгло глаза.

Жить у Линь Яня было комфортно, но, если тело Цао Е чувствовало себя замечательно, душа испытывала двойные муки... К тому же, если Цао Сююань сказал, что он Лю Адоу, значит ли это, что он ни на что не способен? Он собирался остаться здесь и завтра внимательно прочесть сценарий. Почему, чёрт возьми, он не может сыграть роль, которую написали с него? Он был полон решимости заставить Цао Сююаня лично признать, что тот был неправ, что вынес неверное суждение. Таким образом, Цао Е вознамерился доказать свою правоту. Актёрская карьера его не особенно привлекала, но как говорится, если не сражаться за свою гордость, не видя реальной цели [2], тогда зачем это всё?

[2] 死要面子活受罪 — дословно это что-то вроде «защищать своё самоуважение вместо того, чтобы варить булочки на пару». Это выражение часто используется для описания действий, которые человек предпринимает ради защиты своего достоинства или из упрямства, чтобы что-то доказать себе, без серьёзной экономической или практической необходимости.

Тем временем в ванной Лян Сычжэ размышлял, принимая душ, уйдёт ли Цао Е сегодня вечером. И если да, то когда? После того как его биологические часы перестроились под «Лазурную вечеринку», ему стало довольно комфортно жить здесь одному, и неожиданное возвращение Цао Е сделало ситуацию несколько неудобной. Выходя из ванной, Лян Сычжэ увидел, что Цао Е всё в той же позе лежит на кровати. Было уже больше 10 вечера — самое оживлённое время для маленьких продуктовых лавочек внизу. Лян Сычжэ только что принял душ и решил не выходить — он не хотел снова пропитаться запахами уличной еды. Он тихо лёг на кровать, и ему на глаза попала деревянная гитара, которую он оставил у стены. Вглядываясь в её очертания, он почувствовал, как в сердце нарастает необъяснимый зуд, а не совсем ловкие средний и безымянный пальцы левой руки бессознательно дрогнули. Когда он впервые прикоснулся к гитаре, ему захотелось узнать, каково это — перебирать струны пальцами. Это было так странно.

Дома он каждый день смотрел на скрипку и не решался к ней прикоснуться. Но здесь, в Пекине, увидев эту старую гитару, он вдруг ощутил желание играть. Но он не хотел, чтобы кто-то видел, как он касается струн, он хотел попробовать это один, в тишине ночи. Почему Цао Е вернулся именно сегодня? Именно в эту ночь, когда ему принесли гитару? Лян Сычжэ вздохнул, достал наушники и вставил их в уши. Со второго этажа «Лазурной вечеринки» снова доносилась музыка. Почти каждый вечер кто-то фальшиво пел караоке, захватывая внимание всей аудитории. Прошлой ночью это был бас-гитарист, его голос был глубоким и тяжёлым, как приглушённый колокол. Как только он начинал реветь, всё здание входило в резонанс и начинало дрожать. У сегодняшнего исполнителя был тенор, достаточно высокий и мощный, его

пение казалось полётом над облаками без пауз на вдох, и это заставляло слушателей опасаться, что он задохнётся.

Наушники Лян Сычжэ не могли блокировать столь пронзительный голос. Лян Сычжэ немного восхищался Цао Е: этот молодой господин выглядел избалованным и изнеженным, но неожиданно стойко переносил шум и мог спать, игнорируя эти ужасные голоса. Лёжа в кровати, Лян Сычжэ слушал музыку в наушниках. Ему совсем не хотелось спать — его биологические часы ещё не подошли ко времени сна. Обычно после пробежки и душа он либо смотрел фильм, либо листал учебники, но сегодня рядом спал Цао Е, и Лян Сычжэ не мог ничем заниматься. Неизвестно сколько он так пролежал, но сон так и не пришёл. Лян Сычжэ откинул одеяло, сел, а затем осторожно встал с кровати.

У Цао Е к тому моменту так затекли руки, что он даже не замечал этого, пока Лян Сычжэ не зашевелился на соседней кровати. Шуршание одеяла вывело Цао Е из задумчивости, и тут он понял, что у него затекли не только руки, но и половина тела. Он попытался перевернуться, но его тело было словно ватным, совершенно неспособным двигаться. Как будто онемевшая половина тела ему не принадлежала. О нет... Он действительно не мог перевернуться! На мгновение Цао Е запаниковал: не могло же его парализовать?!

Лян Сычжэ поднял гитару. Прежний владелец прикрепил к ней чёрный ремень, чтобы было удобно носить инструмент на плече. Подойдя к окну, Лян Сычжэ прикинул высоту окна и гитары и решил сначала вылезти из окна, а потом взять гитару. Когда он собирался открыть створку, с кровати в метре от окна Цао Ей позвал:

— Эй, приятель...

Лян Сычжэ остановился, повернулся и посмотрел на него.

— Э-э... — Цао Ей колебался, но, решив, что жизнь важнее гордости, всё же продолжил: — У меня половина тела онемела, не могу повернуться. Поможешь?

Лян Сычжэ некоторое время молчал, не зная, что ответить. Просьба была причудливой, почти неслыханной — неужели есть люди, которые способны спать до тех пор, пока не разучатся двигаться? Снова поставив гитару к стене, он подошёл к кровати Цао Е. Взяв его за руку, он

помог ему повернуться, а затем помог сесть, держа его, как больного. Лян Сычжэ даже подложил ему подушку под поясницу. Его движения были почти профессиональными.

— Ссс... — Цао Ей резко вдохнул от боли, пытаясь поднять руку и пошевелить ею. — Спасибо.

Лян Сычжэ стоял у кровати и наблюдал за ним.

— Тебе помочь спуститься с кровати, чтобы немного пройтись?

— Не нужно... — Цао Ей чувствовал, что сегодня его достоинство достаточно пострадало, к тому же, кажется, только верхняя часть тела серьёзно затекла, онемения в ногах не было.

— Тогда я пойду, — сказал Лян Сычжэ.

— О, — Цао Е небрежно спросил: — Куда ты идёшь?

Лян Сычжэ не ответил, положил гитару на подоконник и открыл окно. Забравшись на подоконник, присел, взял гитару и вылез, не забыв закрыть за собой окно снаружи.

Цао Е спустился с кровати, босиком подошёл к окну, открыл его и посмотрел вверх. Лян Сычжэ с гитарой на плече держался одной рукой за водосточную трубу, другой — за подоконник следующего этажа, используя тонкую железную пластину между трубой и стеной здания как опору для ног. Затем он забрался выше — его движения были уверенными и точными, как у опытного вора, и через несколько минут он уже стоял на подоконнике четвёртого этажа.

Цао Е сначала хотел окликнуть его и напугать, но подумал и решил этого не делать, опасаясь, что Лян Сычжэ упадёт, если от неожиданности сделает неверное движение. Падение с четвёртого этажа могло серьёзно травмировать его, так что Цао Е молча смотрел, как Лян Сычжэ тем же способом забрался на пятый этаж. Наконец длинная нога описала в воздухе аккуратную дугу и Лян Сычжэ исчез за краем крыши.

<http://bllate.org/book/12811/1130223>